

17/1-90

Леонтьев В.

«Молодежь этонки» - Мильлик. - 1990. - 17 экз.

— Валерий, в прошлый ваш приезд — как раз накануне премьеры оперы «Джордано» — вы сетовали на трудности организационного характера, непреодолимые из-за несовершенства нашего законодательства в области концертной деятельности. Теперь, казалось бы, можно все — создавать собственные кооперативы, театр песни, как Алла Пугачева, можно стать министром, как Раймонд Паулс. Каково ваше творческое самочувствие в этих новых условиях?

— Ну, во-первых, министром быть не хочу ни при каких условиях. Посмотрите на мрачное лицо Паулса во время Съезда. Почти как ваши таллинские зрители, пока их не раскатаешь. Административная деятельность категорически мне противопоказана, как, на мой взгляд, любому творческому человеку. Пример тому и Алла Борисовна. Мне кажется, певица в ней проиграла менеджеру. А это обидно. Да тот же Губенко! Став министром, он пытался совместить эту новую для себя роль с работой в театре. И что вышло? Да ничего.

Организаторскими способностями, во-первых, нужно обладать. Во-вторых, это не хобби, а очень серьезная работа, которая не по мне. Для меня жить означает — петь. Что же касается менеджеров, их нужно специально готовить для эстрады.

— Но есть же гениальные самоучки — такие, как руководитель «Ласкового мая» Разин.

— Я не знаком с плодами его деятельности, хотя люблю самодеятельность, сам из нее вышел. Но плодить группы, работающие только под фонограмму, порой чужую,

Интервью

после гастролей

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

«ВРЕМЯ АНАРХИИ

НА ЭСТРАДНОМ РЫНКЕ»

как «Миражи», которых уже, по-моему, десяток, тоже большого ума не надо. Все это — гангстеризм первых лет анархии на эстрадном рынке. Чикаго десятилетиями этого века. Постепенно и зритель разберется, и артисты будут не так падки на фантастические гонорары. Все равно конкуренция приведет к победе таланта.

— Многие зависят и от рекламы.

— А где вы у нас видели рекламу? Там, где нет рынка, о какой рекламе может идти речь? Афиши, телевизионные ролики — это пока просто информация. Когда в Токио собирался приехать Майкл Джексон, этому предшествовали 6 месяцев такой изнурительной рекламы, что в шутку столицу Японии ста-

ли называть Джексон-лендом. А знаете какую — единственную! — «рекламу» я увидел над кассой Дворца спорта в Ярославле, где предстояло выступать? Это была крышка фанерного сырного ящика. Такая небольшая крышечка. Даже имя полностью не поместилось. Написали криво — В. Леонтьев. Это не значило, что зал был пустой, наоборот, и «стоячий партер» с бенгальскими огнями, и аплодисменты. Но все это не благодаря рекламе, а вопреки. Впрочем, почему в медицине у нас может быть уroveň XVII века, а в организации концертов сразу наступить XXI?

— Вы недавно побывали на гастролях в Индии. Как там было организовано ваше

коммерческое выступление?

— Блестяще! И контакт со зрителями замечательный. Ну, Индия — это разговор особый. Кто хоть однажды побывал в этой стране, не может не стремиться туда обратно. Пока же мне удастся снова пережить все при показе фильма по ЦТ. Обещали по 1 программе 30 января. Называется «Валерий Леонтьев. Мэйд ин Индия».

— Зрители отмечают, что ваш облик очень изменился после этих гастролей?

— Просто совпадение. Хотя могу подтвердить: там существует некое особое состояние души, аура, как теперь говорят. И попав под ее влияние, невольно иначе смотришь на мир, на себя. Но и сам чувствую, что пришло время меняться — взросле-

ем, мудреем.

— Атрибутика, связанная с православной церковью, это дань моде или внутреннему состоянию?

— И то, и другое. Просто мода сегодня такова, потому что созрела необходимость обратиться к чему-то менее житейскому и более возвышенному. А такую возможность всегда давала именно церковь.

— Слышала, как одна девушка сказала после годового концерта по ЦТ: «У Леонтьева там костюм с крестами — полжизни».

— Вот-вот, и стоит он полжизни. Художница теперь у меня очень талантливая. Татьяна Парфенова из ленинградского Театра моды. Правда, сама она одевается так, будто все время опаздывает и натягивает на себя что попало. И, знаете, в этом свой стиль. Надеюсь, она же будет оформлять новый спектакль, который готовлю на музыку Давида Тухманова, «Багдадский вор». А что касается веры в Бога, я не верю в существование некоего старичка на тучке, который оттуда сверху грозится — не делай того, не совершай этого. Но внутри себя — называйте это совестью или как хотите — всегда есть мерило добра и зла. И каждый человек понимает, моральный он поступок совершил или нет. Однако сегодня люди умеют этот голос не слышать. А мне хочется достучаться, докричаться до своего союзника в душе, — зрителя. Когда концерт удается и стирается грань между сценой и зрительным залом, я чувствую, что не зря проживаю эти два часа.

М. ДОБРОВИЦКАЯ.